

ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛА

Говорят, природа требует отдыха. Мы знаем, как порою она и в самом деле жестоко обходится с детьми великих артистов, но в данном случае очевидно приятное исключение.

...Вспоминаю, как в самом начале 50-х годов можно было часто увидеть семейство Вертинских за обеденным столом в ресторане Дома актера. Они приходили сюда обычно в одно и то же время, где-то около двух часов дня, садились за один и тот же стол, заранее приготовленный для них хлебосольным хозяином Яковом Даниловичем, известным в театральных кругах той поры под именем Борода. У директора ресторана действительно была дивная белоснежная борода, как у Деда Мороза. Правда, самостоятельно взобраться на стул маленькая Настя еще не могла. Но зато надо было видеть, как обе девочки вели себя за столом: будто и не крошки они вовсе, а взрослые, отлично воспитанные люди. Видимо, к этому их приучали не только Лидия Владимировна и Александр Николаевич, но и вся обстановка, в которой росли и воспитывались Марианна и Настя Вертинские. Ведь дети не просто слышат, что им говорят взрослые, но и видят, как они сами поступают...

— Когда моего отца не стало в живых, мне было всего 12 с половиной лет, — вспоминает Анастасия. — Какова была доза его искусства, впитанного мною, маленькой девочкой, бывшей на его концертах всего два-три раза? Его великопепные, выразительные руки артиста я запомнила, скорее, как отцовские, жаркие, сильные, всегда исцелявшие мои головные боли. Его голос, полный порой таких трагически-возвышенных нот, я помню, скорее, мягким, чарующим, рассказывающим нам с сестрой дивные сказки про лукавого и неудачливого кота Клафердона. Помню завораживающие вечера в нашем доме, когда он рассказывал о долгих странствиях и скитаниях в годы эмиграции. Помню его безмерную доброту отца, влюбленного в своих двух «маленьких чертенят». Помню его грассирующую букву «р»,

запах лавандового одеколона, смешанного с табаком сигарет «Кэмел», которые он курил, и... смерть... когда он, красивый, холодный и уже «не мой папа», лежал, покрытый морем цветов, и мое отчаяние, горе и ощущение, что я никогда, никогда не прощу ему, что он ушел вот так от меня, бросил и не вернется никогда!

Но он вернулся. Он пророс во мне. Позже, когда я становилась актрисой, я все больше ощущала его неуловимое влияние, его незримое присутствие. Его песни, такие странные, такие непохожие на те, что гремели за окном, одурманивая своим фальшивым патриотизмом, воспеванием Родины, которую так любил мой отец, Родины, которая была самым больным и хрупким его чувством, — песни эти притягивали меня все больше и больше. Почему? Потому что я им верила. Потому, что я верила только им и через них верила ему.

Сегодня, на середине своего творческого пути, я хочу сказать о нем, то, что не знал никто, кроме него самого. Я хочу заглянуть в мир его творчества. Теперь я хочу проразить в нем, чтобы почувствовать особый, странный мир его персонажей, прожить его нелегкий путь артиста, поэта, творца и истинного сына своего Великого Отечества.

Он вернулся в Россию в конце 1943 года. Шла война, и Россия приняла его в колыбель своей великой культуры, как Мать, не спрашивая, где он был. Его имя навсегда останется бриллиантом в короне русского искусства, — утверждает Анастасия Вертинская.

От себя добавлю: Вертинский — фигура действительно исключительная в искусстве XX века. И не только русского. Но, увы, новые поколения вынуждены верить (или не верить) на слово тем, кто имел счастье слышать и видеть великого артиста. Ибо сохранились лишь магнитофонные записи, и то не самого высокого качества, сделанные, как правило, во время концертов. Его музыкальные новеллы, связанные с поразительной пластикой, вместе с Вертинским канули в Лету.

И вот, задумав немыслимое, в год

столетия со дня рождения отца дочь пытается из небытия воскресить дорогой для нее образ. Спектакль «Мираж, или Дорога русского Пьеро» она готовит вместе с режиссерами М. Моисеевым и В. Гнеушевым, художниками П. Каплевичем и С. Якуниным, артистами А. Комоловой, О. Тарасовой и С. Тонгуром. Кроме А. Комоловой, вряд ли кто-нибудь из них мог видеть на сцене Вертинского. Но это обстоятельство не помешало им поверить в возможность осуществить столь дерзкий замысел.

Я смотрел спектакль не на премьере и заранее слышал о нем разные, совершенно противоречивые мнения. Во всяком случае, на том представлении, что было посвящено 75-летию со дня открытия Камерного театра, «Мираж» имел особый успех. В течение двух часов зал, затаив дыхание, слушал исповедь Александра Николаевича, в которую вкраплялись сноски, комментарии современников. К ним добавлялись в записях песни в исполнении Вертинского, всякий раз поддерживаемые пластикой Анастасии Вертинской, переодетой в сценические платья отца. До чего же она похожа! И не только внешне. Возникает какая-то неуловимая, необъяснимая внутренняя связь между подлинным голосом Вертинского и его обликом, воплотившимся во взгляде, мимике, жесте, фигуре дочери. Действительно, мираж!

Он возникает из естественной дочерней любви и привязанности к отцу. Однако здесь лишь отправная точка миража. В конце концов в том, что Анастасия внешне похожа на Александра Николаевича, нет ничего удивительного. Непонятно другое: каким образом ей удается заставить меня, много раз видевшего Вертинского на сцене, в какие-то минуты содрогнуться, поверить в то, что чудо совершилось?

Вероятно, причину надо искать в том, что природа действительно иногда готова сделать исключение из общего правила и щедро одарить талантом и детей, и родителей. «Мираж» — еще одно тому подтверждение.

Б. ПОЮРОВСКИЙ.